

18+

Олег Сысоев

Быть Дионисом

Олег Сысоев

БЫТЬ ДИОНИСОМ

<https://litres.ru/74590984>

ISBN 9785007144407

Аннотация

Восемь встреч, которых не было... Дионис — бог вина, театра и трансформации — беседует с Зевсом на опустевшем Олимпе, встречает странника на дороге в Иерусалим, находит Ариадну на Наксосу, спускается в Аид за матерью, спорит с богами и богинями о природе любви, с Платоном и Аристотелем — о разуме и чувствах, и в итоге приходит в кабинет современного человека накануне его шестидесятилетия. Эти встречи — психологические и духовные аллегории: о целостности, уязвимости, любви и втором рождении.

Содержание

Олег Сысоев	6
Быть Дионисом	6
Мистерия странных встреч	7
Содержание	9
Пролог	13
Сердце Диониса	13
Встреча первая	21
Эпизод I	22
Тишина на Вершине	22
Эпизод II	24
Пришествие Виноградной Лозы	24
Эпизод III	25
Холодный Огонь Иудеи	25
Эпизод IV	27
Кровь и Вино	28
Эпизод V	30
Сумерки Героев	30
Эпизод VI	31
Видение Будущего	32
Эпизод VII	33
Последний Кубок	33
Эпизод VIII	35
Тень Креста на Олимпе	35

Эпизод IX	36
Одиночество Властителя	36
Эпизод X	37
Эпилог. Вечный Возврат	37
Встреча вторая	39
Эпизод I	40
На дороге в Иерусалим	40
Эпизод II	42
Встреча в тени	42
Эпизод III	47
Эпизод IV	50
Вино и Вода	50
Эпизод V	53
Толпа и Одиночество	54
Эпизод VI	56
Страдание	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Быть Дионисом

Олег Сысоев

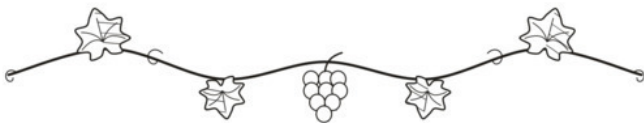
© Олег Сысоев, 2026

ISBN 978-5-0071-4440-7

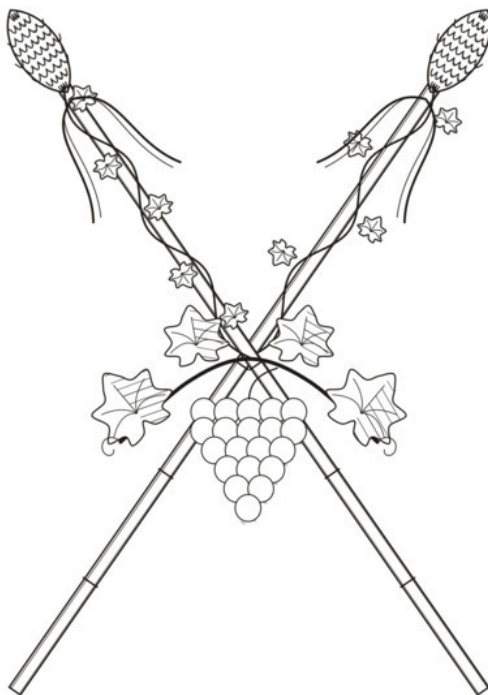
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Олег Сысоев

БЫТЬ ДИОНИСОМ

Мистерия странных встреч

Сысоев О. Быть Дионисом. Мистерия странных встреч.

Восемь встреч, которых не было, но которые могли бы случиться. Дионис — дважды рождённый бог вина, театра и трансформации — беседует с Зевсом на опустевшем Олимпе, встречает странника на дороге в Иерусалим, находит Ариадну на Наксосу, спускается в Аид за матерью, спорит с богами и богинями о природе любви, с Платоном и Аристотелем — о разуме и чувствах, и наконец приходит в кабинет современного человека накануне шестидесятилетия. Мифы здесь прочитаны как психологические и духовные аллегории — о целостности, уязвимости, любви и втором рождении.

© Олег Сысоев, текст, 2026

Содержание

Пролог. Сердце Диониса

**Встреча первая. Сумерки Олимпа: Диалог в 32 году
от Рождества Христова**

Эпизод I. Тишина на Вершине

Эпизод II. Пришествие Виноградной Лозы

Эпизод III. Холодный Огонь Иудеи

Эпизод IV. Кровь и Вино

Эпизод V. Сумерки Героев

Эпизод VI. Видение Будущего

Эпизод VII. Последний Кубок

Эпизод VIII. Тень Креста на Олимпе

Эпизод IX. Одиночество Властителя

Эпизод X. Эпилог. Вечный Возврат

Встреча вторая. Тень и Свет: на дороге в Иерусалим

Эпизод I. На дороге в Иерусалим

Эпизод II. Встреча в тени

Эпизод III. Зеркало

Эпизод IV. Вино и Вода

Эпизод V. Толпа и Одиночество

Эпизод VI. Страдание

Эпизод VII. Смерть и Воскресение

Эпизод VIII. Страх

Эпизод IX. Любовь

Эпизод X. Расставание и Путь

Эпизод XI. Эпилог. Вечное Возвращение

Встреча третья. Вино и Звезды: Мистерия Наксоса

Эпизод I. Пролог. Тишина перед рассветом

Эпизод II. Пробуждение Памяти

Эпизод III. Шествие Плюща

Эпизод IV. Исповедь у Винного Источника

Эпизод V. Тень Олимпа

Эпизод VI. Иерос Гамос. Священный Брак

Эпизод VII. Эпилог. Вечность в Кубке

Встреча четвёртая. Путь сквозь тень: Дионис и Семела

Эпизод I. Спуск

Эпизод II. Встреча, которая началась с дождя

Эпизод III. Тень в бедре

Эпизод IV. Назначение, которое не выбирают

Эпизод V. Любовь, которая не знает имён

Эпизод VI. Восхождение

Эпизод VII. Эхо в лозах

Встреча пятая. Дионис и Боги: Покорны ли Боги Любви?

Эпизод I. Там, где времени нет

Эпизод II. Зевс: Любовь как Порядок и Союз

Эпизод III. Посейдон: Любовь как Стихия и Чувство

Эпизод IV. Гадес: Любовь как Тайна и Трансформация

Эпизод V. Аполлон и Границы Эго

Эпизод VI. Гермес и Иллюзия Свободы

Эпизод VII. Гефест и Алхимия Страдания

Эпизод VIII. Арес и Право Силы

Эпизод IX. Дионис и Священное Безумие

Эпилог. Рассвет над Туманом

Встреча шестая. Дионис и Богини: беседа о женском сердце

Пролог. Чаша и Лоза

Парадигма первая. Уязвимые Богини: Потребность в Другом

Эпизод I. Гера — Жены Властителя

Эпизод II. Мать Деметра

Эпизод III. Персефона — Похищенная

Парадигма вторая. Богини-Девы: Потребность в Себе

Эпизод IV. Афина — Великий Стратег

Эпизод V. Артемида — Сестра-Спутница

Эпизод VI. Гестия — Очаг как Центр Мира

Парадигма третья. Алхимическая Богиня: Потребность в Живом Огне

Эпизод VII. Афродита — Возлюбленная

Рассуждение. Пересечение Судеб: Диалог Архетипов

Финал встречи. Танец Теней и Света

Встреча седьмая. Виноградник Вечности

Эпизод I. Сумерки у подножия Парнаса

Эпизод II. Лабиринт Смысла

Эпизод III. Зеркало Эроса

Эпизод IV. Тени и Свет

Эпизод V. Эхо в Вечности

Эпилог. Размышление у кубка

Встреча восьмая. Виноградник Внутри

Эпизод I. Кабинет и вино

Эпизод II. Зеркало в темноте

Эпизод III. Пришествие

Эпизод IV. О женищинах и отражениях

Эпизод V. Маски управленца

Эпизод VI. Тень и Вино

Эпизод VII. Шестьдесят как начало

Эпизод VIII. Возвращение

Эпилог. Утро после

Постскриптум. Размышление у кубка

Большое послесловие автора

О природе этих историй

Пролог

Сердце Диониса

Ты слышишь, как плещется темная влага в серебряной чаше? Видишь как там отражаются звезды, которые я когда-то зажег для Нее? Ты думаешь, это обычное вино? Нет. Это кровь земли, слезы моей матери и огонь, разгоняющий холод твоего одиночества. Я — Дионис. И я говорю с тобой не с недосягаемых ледяных вершин Олимпа, а из тишины твоей же души, из того ее потерянного уголка, где ты спрятал самое сокровенное.

Меня зовут богом веселья, но те, кто считают так — видят лишь пену на поверхности молодого вина, или осадок на дне чаши. Я — единственный из бессмертных, кто познал настоящую смерть: моя мать, Семела, была из плоти и крови, она ответила любовью на страсть Зевса и сгорела в его пламени, не выдержав образа истинного бога, представшего перед ней во всем своем величии. Представь запах гари — это запах моего рождения. Отец выхватил меня, не рожденного, из клубов пепла и зашил в свое бедро, и я стал Дифирамбом, «дважды рожденным». Моя колыбель — смертная утроба, сожженная божеством, и божественная плоть Зевса-Громовержца, я соткан из пепла и молний, и я — живой мост между болью людей и бессмертием богов.

От рождения я не парил в облаках — я ходил по земле бесприютным странником, уставал, испытывал голод и жажду, пил воду из ручьев, срывал дикие плоды с деревьев, и всюду я был нежеланным гостем. Даже в Фивах — родном

городе моей матери — меня не признавали своим: мои тетки смеялись над моей матерью, считали ее обманщицей, родившей меня не от Зевса, а от неизвестного любовника. А ты знаешь это чувство, когда твоя природа пугает других? Я странствовал от Индии до Фракии, неся людям свой дар — вино. А вино — это истина, оно срывает маски. А люди... Люди всегда боялись правды.

Царь Пенфей хотел запретить мои мистерии во имя порядка, в который он верил, но по сути — он верил в железные клетки, но не в жизнь — прекрасную, разнообразную, иногда хаотичную и спонтанную. Он хотел запереть женщин в тишине домов. Но кто всегда был со мной? Женщины. Менады. В мире, где женщина — не более, чем вещь, я дал им голос: они уходили в горы, танцевали, кричали, кормили волчат своей грудью. И там они были свободны. И когда озлобившийся на нас Пенфей выследил нас, желая контролировать неконтролируемое, менады разорвали его — это была не месть, но крик природы, которую хотели задушить стальными силками.

Но есть еще одна тайна, о которой лишь тихо шепчут в мистериях — я умирал и возрождался: титаны заманили меня, ребенка, игрушками, а потом растерзали и съели. Лишь сердце спасла Афина, она сохранила его, а из пепла титанов, испепеленных молнией, Зевс создал человека, в которого вложил мое сердце. Поэтому в каждом из вас — моя растерзанная искра, запертая в грубой плоти. Вы помните ту

целостность, что потеряли и поэтому ищите друг друга.

И я спускался в Аид — не ради подвига, а как сын, ищущий мать — я нашел ее и привел из Аида на Олимп. Потому что я знаю суть и цену смерти. Сухая зимняя лоза кажется мертвой, но внутри уже бродит сок, ждущий весны. Я умираю каждую осень и воскресаю, когда лопаются почки.

Я существую вне времени и вижу то, что для вас — будущее: я вижу Другого, кто тоже ходит по земле, наливает ученикам вино и называет его своей кровью — я встречал его на пыльных дорогах Иудеи и видел, как в катакомбах, во тьме, где христиане прятались от римских львов, они рисовали Его с моим венком из виноградных листьев, но потом лозу сменил терн. Они знали: Бог должен страдать, Бог должен быть съеденным, чтобы стать частью вас. Мое имя не умерло — я прошел странный земной и небесный путь: единственный из языческих богов я получил признание Христа — я, Дионис, Дионисий. Святой, несущий отрубленную голову в руках, как я носил свое кровоточащее сердце. Это не случайность, а символ: человечество поняло — Бог не может быть только Судьей, он должен быть Тем, кто пил горькую чашу, кто любил смертную, кто страдал. И я остался, я стал тише, я ушел внутрь вашей чаши.

И главная моя гордость — не храмы, а любовь. Я единственный из богов, кто женился на смертной. Ариадна... Ты помнишь эту легенду? Она дала нить Тесею, спасла героя из лабиринта, предала ради любви свой дом, а он на другой день

предал ее — оставил спящей на пустом берегу Наксоса. Инструмент не нужен, когда победа одержана.

Я нашел ее в слезах: она была использована, выпита до дна и выброшена, но я не утешал, я сблизился и сроднился с Ариадной, снял с себя венец и надел на нее — то был венец Афродиты, который должен был принадлежать той смертной, в которую она воплотилась. И он стал не только украшением Ариадны — он стал созвездием Северная Корона. Я дал женщине не защиту и милость, не право быть рядом, как другие, а равенство. В том союзе, который я предложил, не было покровительства и славы Зевса, не было похищения Гадеса и насилия Посейдона. Я полюбил ту, что прошла лабиринт страдания и не сломалась, и я предложил ей свободу выбора. И она стала бессмертной, потому что таков был наш общий выбор.

В моих культах женщины были жрицами. В том неравном мире, где мужчины от них требовали молчания, я дарил им экстаз и голос. Женщина ближе к земле, к крови, к тайне, и запирает её — значит убивать жизнь.

Ты, живущий ныне, уже забыл, как это — чувствовать, замуравал себя в башне разума, но в тебе живет моя часть — та, что хочет плакать от боли, смеяться от счастья, танцевать под музыку. Твой мир шепчет: будь твердым, будь успешным и непреклонным, забудь про эмоции, эмоции — это слабость, глупость, уязвимость. Но если ты задавишь меня, то станешь сухим, станешь Пенфеем — твои задушенные эмо-

ции, как мои Менады, вырвутся однажды из клетки и растерзают тебя.

Лучшее во мне — не хмель, а способность к интимности, способность чувствовать чужую боль, как свою. Моя сила — интуиция. Когда логика бессильна — я веду. Когда ты творишь не из страха, а из вдохновения, теряя счет времени — это значит, что в тебе пробудился дионисийский поток.

Но если ты не примешь меня — я стану тенью. Вино станет водкой, свобода — падением. Зрелый мужчина не бежит от жизни — он проживает её, он не боится быть уязвимым перед женщиной, он видит в ней Ариадну, что держит нить, когда он уходит в свой лабиринт.

Посмотри на современных мужчин, которые так одиноки. Они разучились прикасаться, они боятся чувств, путая их со слабостью, но уязвимость — это дверь, в которую входит Бог. Я — бог границ, но я же и бог их исчезновения. Когда ты любишь — где кончаешься ты и начинается другой? Когда ты пьешь вино — где граница меж нами? Кровь земли течет в твоих жилах.

Я соткан из противоречий: радость и ужас, вдохновение и безумие. Я заставляю снять маску. Вино развязывает язык, являя миру правду. Я не сулю спокойной уверенности и стабильности успеха, как Аполлон. Я дарю жизнь. А жизнь — это хаос, боль родов, экстаз встреч и горечь потерь. Но это — подлинная жизнь, а не картинка из журнала.

В моем театре люди прозревают, проживая чужие судьбы.

Катарсис — мое дитя. Я учу: вы не острова, вы часть космоса. Мужчина, в котором я проявился, становится миротворцем — он гасит конфликты не силой, а пониманием, и он верит в чудо.

Не бойся меня, не бойся чувств, не бойся женщины в себе и рядом с собой — лоза растет из грязи, питаюсь навозом и дождем, чтобы дать сладкие плоды, а твоя душа зреет в контакте с болью и любовью. Святость скрыта в обычном: в чаше вина, в объятьях, в тишине после грозы.

Когда ты смотришь на старые иконы с неувыдаемой виноградной лозой — это мой отблеск. Когда читаешь жития Дιονисия — это мои следы: я лишь сменил свои одежды, и я в каждом, кто плачет от красоты, кто танцует, когда мир рушится, я в каждом союзе двух сердец, идущих сквозь лабиринт.

Миф обо мне — это миф о надежде. О том, что любовь к смертной возносит к звездам, и что страдание ведет к воскресению. Я говорю: «В каждом из вас растет лоза, так дайте ей свет!»

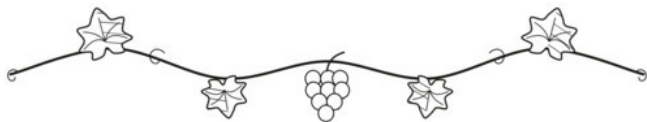
В эпоху холода экранов я зову вас вернуться к телу, к природе. Вы — дети Земли и Неба, как и я. Пока зреет виноград, пока люди любят — я жив. Я — Бог, ставший человеком, чтобы человек стал богом — не только всемогущим, но и живым.

Протяни руку — вот кубок, в котором не яд, а память и жизнь. Выпей его и почувствуй тепло внутри. Это я гово-

рю с тобой: ты жив, ты здесь, так не стой в стороне от танца, двигайся, падай и вставай, люби и теряй. И в конце, когда нить Ариадны выведет тебя к свету, ты увидишь звезду и поймешь: весь путь был лишь для того, чтобы ты сам научился светить.

Я — Дионис. Я рядом. Я внутри. Открой дверь —пусти праздник и боль,пусти жизнь. Ибо нет ничего страшнее, чем не прожить её до дна, и нет ничего прекраснее, чем воскреснуть.

Слышишь шум? Это менады бегут по горам, и снова кровь стучит в висках, снова лоза ломает камень. Встань. Иди. Танцуй. Ты, как и я, — можешь стать дважды рожденным.

Встреча первая
*Сумерки Олимпа: Диалог в 32
году от Рождества Христова*

Эпизод I

Тишина на Вершине

Ветер на Олимпе всегда был особенным. Здесь он не шумел так, как внизу, в долинах Фессалии — там Борей и его братья трепали оливковые ветви и гнали волны по Эгейскому морю. Здесь же, на вершине мира, ветер был дыханием эфира, холодным и беззвучным, несущим запах Леты, запах воды и вечности. Но в этот день, в году 32-м от начала нового летоисчисления, которое еще не стало общепринятым, но уже пульсировало где-то внизу, как скрытый огонь, ветер казался тяжелым.

Зевс сидел на своем троне из белого мрамора и золота, но золото потускнело, словно покрылось невидимой пылью застывшего времени. Громовержец был спокоен, он не собирался метать свои молнии высшего правосудия. Его руки, привыкшие сжимать скипетр власти, лежали на коленях неподвижно. Взгляд Зевса, обычно устремленный вниз, на мир смертных, где каждый жертвенный дым был признанием его власти и силы, теперь был устремлен в пустоту.

Вокруг царила непривычная тишина. Геры не было рядом — она удалилась в свои покои, чувствуя нарастающее беспо-

койство мужа. Лира Аполлона не была слышна, и даже музы притихли, словно предчувствуя — грядет что-то неведомое даже всеведущим богам. Олимпийские боги чувствовали то, что не могли выразить словами: связь с миром людей истончалась. Молитвы становились реже, жертвенники остывали, а вера, та самая искра, что питала их бессмертие, превращалась в угольки, покрывающиеся пеплом забвения.

Зевс вздохнул, и от этого вздоха дрогнули облака у подножия горы.

— Где они? — проговорил он, и голос его прозвучал как отдаленный раскат грома, не обещающий дождя, а предвещающий бурю внутри. — Где шум пиров? Где запах жареного мяса и сладкого вина? Где страх и благоговение?

Ему не ответили. Только эхо повторило его слова, возвращая их обратно, пустые и звонкие.

Владыка богов чувствовал, как что-то уходит из мира: не просто меняются имена храмов — он привык к тому, что римляне называют его Юпитером, так что дело было не в имени. Дело было в самой сути происходящего — люди перестали видеть в небе его перст, они перестали видеть богов в грозе, в урожае, в любви, они стали смотреть внутрь себя, и этот взгляд внутрь пугал Зевса больше, чем восстание титанов. Титанов можно было низвергнуть в Тартар, но как низвергнуть мысль, которая проникает в сердца, не требуя жертв?

Эпизод II

Пришествие Виноградной Лозы

Тишину нарушил не звук шагов, а запах — вначале слабый, почти неуловимый, аромат диких цветов, спелого винограда и теплой земли, затем запах усилился, принесся с собой ноты брожения, пряностей и чего-то древнего, как сама жизнь.

Из клубов тумана вышел Дионис, он не шел, а словно плыл, ступая невесомо, а на голове его венком лежал плющ, переплетенный с виноградной лозой, листья которой были не ярко зелеными, как обычно, а казались багровыми, словно окрашенными кровью. В руке он держал тирс, но сосновая шишка на конце его была завершена странным символом — две коротких веточки перекрещивались на ней.

— Отец, — голос Диониса был мягким, текучим, как вино в кубке. — Почему ты сидишь в тени, когда мир внизу горит новым огнем?

Зевс медленно повернул голову. Его глаза, обычно сверкающие отражениями молний, были подернуты туманом, колышавшимся поверх вод Леты.

— Дионис... Ты всегда приходил вовремя, когда нужно

было принести забвение, но сегодня забвение не нужно, сегодня нужна ясность. Почему алтари пустеют, сын? Почему даже твои вакханки реже бегут по горам, и мы не слышим их песен и криков экстаза? Почему люди шепчутся в тайных комнатах, а не кричат твои имена на площадях?

Дионис усмехнулся, и в улыбке его была грусть, не свойственная богу веселья. Он подошел к трону и сел на ступень ниже, там, где обычно располагались просители.

— Потому что, отец, люди устали от крика. Они устали от грома и ищут тишины, которая громче грома небесного.

— Объясни, — потребовал Зевс, и в его голосе проскользнула нотка нетерпения, привычка повелевать.

— Я пришел из Иудеи, — сказал Дионис, и слово это повисло в воздухе, как тяжелый камень. — Оттуда, где земля суха и камениста, но где сейчас прорастает нечто, что изменит саму ткань мироздания.

Эпизод III

Холодный Огонь Иудеи

Зевс нахмурился. Иудея была для него лишь одной из многих провинций огромной Римской империи: народ странный, упрямый, поклоняющийся невидимому богу без

лица и статуи.

— Иудея? — переспросил Зевс с пренебрежением. — Там нет места для богов. Их Яхве суров, как пустыня. Он не любит вина, не любит праздников. Что может родиться в такой бесплодной земле?

— Сын плотника, — ответил Дионис, и в его голосе зазвучала странная вибрация. — Человек, который называет себя Сыном Того, Безымянного. Но он пришел не с мечом и не с законом, он пришел с любовью, которая сильнее смерти. Зевс выпрямился.

— Любовь? Власть Эроса велика, но мне и он подвластен. И Афродите царство любви принадлежит безраздельно — тебе ли не знать. Что нового может сказать этот человек и другие люди?

— Эта любовь — не Эрос, отец, — Дионис покачал головой, и листья плюща зашелестели. — Это не страсть, не желание, не обладание. Это агапэ — любовь, которая отдает, не требуя взамен, любовь, которая подставляет щеку под удар, любовь, которая дает силы умирать не только за друзей, но и за врагов.

Зевс рассмеялся, но смех его был сухим.

— Умирает за врагов? Это безумие. Бог не умирает. Бог властвует. Если он умирает, он слаб. Зачем людям слабый бог?

— Именно поэтому они идут к нему, — тихо сказал Дионис. — Посмотри на них, отец, посмотри не глазами власти-

теля, но глазами отца. Они устали быть игрушками в наших руках, они устали, что мы посылаем им войны ради забавы, что мы похищаем их женщин, что мы требуем гекатомб в обмен на милость. А они хотят бога, который знает, что такое боль. Который знает, что такое голод, предательство, одиночество.

Зевс отвернулся. В его памяти всплыли образы прошлого: похищение Европы, война под Троей, бесчисленные любовные связи, оставляющие за собой следы судьбы. Он всегда был выше человеческой боли. Он был небом, а небо не чувствует боли земли.

— Но они забывают нас, — прошептал Зевс, и в этом шепоте была искренняя боль отвергнутого отца. — Они перестают приносить жертвы. Без жертв мы слабеем. Без веры мы становимся теньями.

— Мы не исчезнем, — сказал Дионис, протягивая отцу кубок, наполненный темной жидкостью. — Мы станем другими. Но этот новый путь... он поглощает все. Он не требует храмов из мрамора: его храм — в сердце человека. Разве можно разрушить сердце громом?

Эпизод IV

Кровь и Вино

Зевс взглянул на кубок в руке Диониса. Вино было густым, почти черным.

— Что это? — спросил он.

— Вино, — ответил Дионис. — Но не совсем. В тайных собраниях этих новых последователей, в верхних комнатах Иерусалима и Антиохии, они будут пить вино и говорить: «Это кровь Его». Они будут есть хлеб и говорить: «Это тело Его».

Зевс содрогнулся.

— Они антропофаги? Это возврат людей к животным!

— Нет, отец. Это символизм, который становится реальностью через веру, — Дионис сделал глоток. — Они будут вспоминать человека, которого римляне распнут на кресте вскоре. Или уже распяли. Время там течет иначе. Они верят, что он воскрес, и чтобы быть с ним, соединиться с ним, они будут причащаться его смерти и его воскрешения, и его жизни вечной.

— Распятый бог, — Зевс покачал головой, не в силах принять эту мысль. — На кресте, как преступник. Где здесь слава? Где здесь Олимп?

— Слава в унижении, в принятии, — парировал Дионис. — В этом и есть разница между нами и ими. Мы хотим возвысить человека до себя, но требуем, чтобы он стал героем,

полубогом, они же говорят, что бог опустил­ся до человека, чтобы спасти его в его слабости. Ты посылаешь молнию, чтобы наказать, а Он принимает удар, чтобы простить.

Зевс встал и прошелся вдоль края обрыва. Внизу, сквозь облака, просвечивали огни человеческих поселений.

— Я даровал им законы. Я дал им порядок. Без меня был бы хаос. Разве этот сын плотника даст им порядок?

— Он даст им совесть, — ответил Дионис, тоже подходя к краю. — Внутренний закон, который не нужно высекать на камне, закон, который пишет себя сам в душе. Ты боишься не того, что они перестанут бояться тебя. Ты боишься того, что они перестанут поклоняться страху и в страхе.

Зевс остановился. Это было попадание в самую суть — вся его власть держалась на страхе и уважении к силе, если страх исчезнет, если сила перестанет быть аргументом, что останется от Зевса?

— Они отвергнут силу? — спросил он тихо.

— Они переосмысляют ее, — сказал Дионис. — Для них сила — это способность терпеть. Способность любить до конца. Ты знаешь все обо мне, отец, знаешь мою смертную мать, знаешь, как меня разорвали титаны, и я возродился из сердца Загрея. Я бог умирающий и воскресающий, поэтому я и понимаю этих людей, я понимаю их Бога, и в их учении я вижу отголоски своих мистерий. Но у них это не мистерия для избранных. Это для всех. Для рабов, для женщин, для детей. Для тех, кого мы считали лишь фоном для героев.

Эпизод V

Сумерки Героев

Зевс вернулся к трону и тяжело опустил на него. Казалось, мрамор стал холоднее.

— Герои... — проговорил он с ностальгией. — Геракл, Ахилл, Одиссей. Мир принадлежал им. Мир был ярким, жестоким и прекрасным. Неужели наступает эпоха серости? Мир, где все равны перед лицом этого... Распятого?

— Мир становится сложнее, отец, — Дионис сидел неподвижно, но вокруг него словно клубился туман времени. — Эпоха героев уходит, потому что человек взрослеет. Раньше ему нужны были примеры силы, а теперь ему нужно утешение. Рим строит дороги и акведуки, он объединяет мир в одну империю. А эта новая вера... она словно создана для этой империи — она не знает границ и проникает сквозь стены темниц.

— Ты говоришь об этом так, словно ты на их стороне, — заметил Зевс, прищурившись.

Дионис улыбнулся, и в его глазах мелькнула древняя мудрость, старше самого Олимпа.

— Я бог трансформации, меняющий маски. И я был бы

плохим богом, если бы не понял, как и когда маска должна меняться, когда вино может и должно стать кровью. Что есть страдание, которое становится радостью, и смерть, которая становится жизнью. Я вижу в их учении себя, и себя я вижу в этом сыне плотника, точнее в сыне смертной женщины, понесшей от Бога. А может быть и он узнает себя во мне? Я попробую встретиться с ним и поговорить...

— Это опасно, — предупредил Зевс. — Если они победят, что станет с нами? Будут ли нас почитать как демонов? Забудут ли наши имена?

— Наши имена не забудутся, отец. Они станут архетипами: ты станешь образом Отца, но не гневного, а любящего, Гера станет образом Жены, Афина — образом Мудрости. А я... — Дионис замолчал, глядя на свой кубок. — А я растворюсь в их таинстве. Мои вакханки станут святыми мученицами. Мой экстаз станет молитвой.

Зевс закрыл лицо руками.

— Тяжело быть богом, который становится историей.

— Быть богом всегда тяжело, — мягко сказал Дионис. — Но быть богом, который любит своих творений больше, чем свою власть... это еще тяжелее. Возможно, этот новый Бог учит нас этому.

Эпизод VI

Видение Будущего

Внезапно воздух вокруг них задрожал. Не от грома, а от напряжения реальности. Дионис взмахнул тирсом, и туман у подножия Олимпа разреился — перед ними открылся вид не на современную им Грецию или Рим, а на нечто иное.

Они увидели храмы, но не такие, как Парфенон — они были проще, но их было множество. Они увидели людей в разных одеждах, говорящих на разных языках, но склоняющих головы перед одним символом — крестом.

— Смотри, — сказал Дионис. — Через триста лет Парфенон станет их церковью. Они не разрушат его камни, они освятят их иначе, а твои статуи будут стоять в их музеях, и люди будут восхищаться ими, но не будут молиться им — они станут культурным наследием, искусством.

Зевс смотрел на видение с болью, но эта боль его захватывала, проникая в него и расторяясь в нем.

— Искусством... — повторил он. — Значит, мы станем красотой, но не истиной?

— Разве это не достойная судьба? — спросил Дионис. — Быть вечной красотой, вдохновляющей людей, даже если они не верят в нашу власть? Посмотри, как они будут писать музыку в нашу честь, как будут слагать стихи. Мы уйдем с небес, но останемся в их культуре, станем движущей силой их воображения.

— А этот новый Бог? — спросил Зевс, не отводя взгляда от видения крестов, вырастающих как леса по всей Европе и за ее пределами.

— Он станет их совестью, — ответил Дионис. — Но совесть часто бывает в конфликте с красотой. Они будут жечь друг друга во имя его имени и по указу судов инквизиции, они забудут его заповедь любви — ради власти над умами и в этом они будут похожи на нас, отец. Люди всегда остаются людьми, они лишь меняют своих идолов.

Зевс усмехнулся, и в этой усмешке было облегчение.

— Значит, они не станут совершенными?

— Нет, — подтвердил Дионис. — Они будут страдать, любить, ошибаться, будут искать спасения и снова создавать богов по своему образу. Но этот конкретный Бог... он даст им надежду, которой у нас не было. Мы были судьбой, а он станет надеждой противостоящей судьбе.

Эпизод VII

Последний Кубок

Туман сгустился снова, скрыв видение будущего и на Олимпе вновь воцарилась тишина, но теперь она казалась менее давящей. Зевс протянул руку и взял кубок из рук Ди-

ониса.

— За что мы пьем, сын? — спросил он, глядя на темную жидкость.

— За конец начала, — сказал Дионис. — И за начало конца. За то, что мы были великими. И за то, что они будут верными.

Зевс выпил вино. Оно было сладким, но с горьким послевкусием.

— Я чувствую, как что-то уходит, — признался он. — Моя молния становится тяжелее. Мой орел летает ниже.

— Это не уход, это трансформация, — Дионис встал и положил руку на плечо отца. Это был жест, немыслимый раньше, когда сын не смел касаться отца без позволения, но времена менялись. — Ты не умрешь, Зевс, ты просто перестанешь быть единственным ответом на вопросы человека.

— А ты? — спросил Зевс, глядя на плечо в волосах сына. — Ты выживешь. Ты ближе к ним. Ты ближе к крови и вину.

— Я уже выжил, — загадочно ответил Дионис. — Я уже умирал и возрождался много раз. В каждом виноградном соке, в каждом театральном действе, в каждом безумии любви. Я буду жить в их праздниках, даже если они назовут их иначе. Пасха — это тоже весна. Рождество — это тоже зимнее солнцестояние. Люди не могут жить без мифа, отец, и они легко меняют декорации.

Эпизод VIII

Тень Креста на Олимпе

Солнце начало садиться. Небо окрасилось в цвета, которые не мог бы создать ни один смертный художник: фиолетовый, багровый, золотой. Это был закат эры. Тени от колонн стали длинными, словно пальцы, тянущиеся к уходящему свету.

Зевс встал во весь рост: в последний раз он показался тем, кем был всегда — Владыкой Вселенной, и его фигура заслонила заходящее солнце.

— Пусть будет так, — произнес он, и голос его прогремел в последний раз с полной силой. — Если они хотят бога, который страдает, пусть имеют его. Если они хотят бога, который прощает, пусть попробуют простить сами себя. Посмотрим, выдержит ли их мир тяжесть такой свободы.

— Они выдержат, — сказал Дионис. — Потому что у них будет опора на Воскресшего Бога.

Зевс кивнул. Он почувствовал странное облегчение. Бремя всеведения, бремя постоянного контроля над каждым шагом смертных, начинало спадать. Он мог отдохнуть, стать всего лишь бесстрастным наблюдателем.

— Иди, Дионис, — сказал Зевс. — Иди вниз. Посмотри на них своими глазами. Расскажи мне, когда придет время, что стало с их надеждой.

— Я расскажу, отец, — Дионис попятился к туману. — Но помни: когда ты увидишь человека, несущего крест, не посылай ему молнию, дай ему пройти свободно.

И Дионис растворился в воздухе, оставив после себя только запах винограда и тихий звук флейты, удаляющийся в долину.

Эпизод IX

Одиночество Властителя

Зевс остался один. Тишина вернулась, но теперь она не давила. Она была похожа на покой после битвы. Он посмотрел на свою руку. На ней не было следов старения, боги не стареют, но он почувствовал вес веков.

Он вспомнил Прометея. Тот тоже любил людей слишком сильно и принес им огонь, который обжигал. Зевс наказал его тогда, потому что боялся, что огонь сделает людей равными богам. Теперь же люди получали огонь иной — огонь духа, который поистине делал их равными перед лицом Бога.

— Прометей, — прошептал Зевс в пустоту. — Ты был

прав. Они достойны большего, чем мы думали.

Он подошел к краю обрыва и посмотрел вниз. Где-то там, в Иерусалиме, группа людей собралась в верхней комнате — они боялись римских солдат, боялись синедриона, но они тихо пели свои гимны. Они не знали, что на Олимпе их судьба только что была утверждена не громом, а согласием.

Зевс понял, что его эпоха не заканчивается катастрофой. Она заканчивается рассветом другого дня. Боги не умирают, они уходят в тень, чтобы стать звездами на небе человеческой культуры.

Эпизод X

Эпилог. Вечный Возврат

Ночь опустилась на Олимп, звезды зажглись на небе, и среди них созвездие Орла, символ Зевса, сияло особенно ярко. Но рядом, словно намекая на перемены, мерцали и другие созвездия.

Зевс сидел на троне в темноте — он больше не метал молнии, он ждал. Он знал, что пройдут века. Христианство распространится, разделится, изменится. Падут одни империи и воздвигнутся другие, иные боги придут и уйдут. Но этот момент, этот диалог в 32 году, останется точкой невозврата,

точкой из которой вырвался луч нового света.

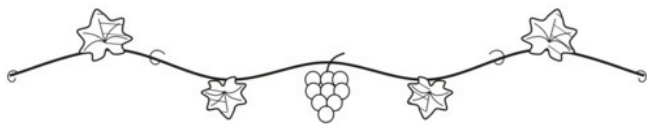
Ветер снова подул, холодный и чистый, и принес снизу запах ладана — не запах жареного мяса, а запах благовоний. Зевс вдохнул его — запах новой молитвы.

— Пусть будет так, — повторил он в темноту.

И Олимп замер в ожидании будущего, где боги станут мифами, а люди станут носителями божественного огня, который они сами должны будут бережно хранить. Зевс закрыл глаза — ему нужно было отдохнуть перед тем, как стать легендой.

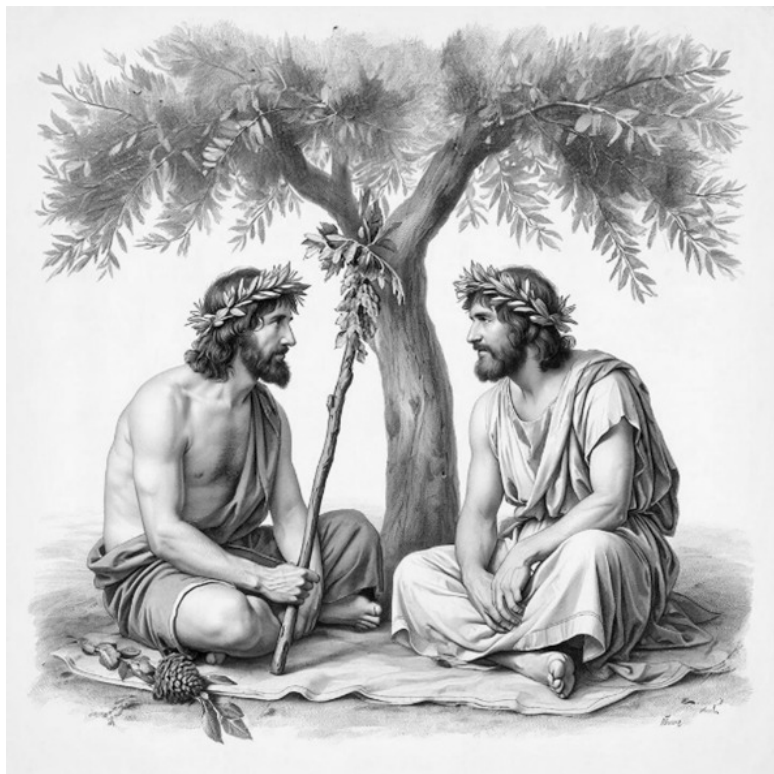
Внизу, в мире смертных, в этот самый момент, апостолы зажигали свечи, их свет был слабым, колеблющимся, но все же он не гас от ветра. И где-то в глубине космоса, в сфере божественного разума, Зевс и Дионис наблюдали за этим огнем, понимая, что история человечества сделала вдох, который изменит всё.

Так закончилась эпоха героев и началась эпоха святых. И боги, склонив головы, признали победу человека над страхом смерти.

Встреча вторая

Тень и Свет: на дороге в Иерусалим

Эпизод I

На дороге в Иерусалим

Солнце стояло в зените, безжалостное и ослепительное, превращая небо в раскаленную медную чашу, перевернутую над головой путника. Воздух дрожал над каменистой тропой, искажая очертания далеких холмов Иудеи, и каждый вдох обжигал легкие сухим жаром, смешанным с пылью, запахом полыни и нагретой шерсти овец, которые где-то далеко блеяли, ища тени.

Дорога в Иерусалим шла через Самарию. Это была не единственная дорога — чуть более удобная, но и более длинная дорога шла вдоль реки Иордан, но путники, в большинстве своем, шли через Самарию, ведь на этом пути часто встречались колодцы, а иногда и ручьи, чтобы напиться и человеку, и его четвероногим спутникам, встречались и оливковые рощи, чтобы отдохнуть в тени деревьев в часы полуденного зноя. Местность не была пустынной, и дорога была удобной, но под палящим солнцем идти было нелегко, пыль и назойливые мухи донимали всех идущих, так что самым разумным было провести самые жаркие часы у воды или в роще среди холмов.

И все же некоторые странники, похоже, торопились по неотложным делам и шли по дороге даже тогда, когда большинство караванов, больших и малых, уже расположились на отдых. И по пустынной дороге шел такой одинокий человек. Шел он на удивление легким шагом, направляясь со стороны Иерусалима к поселениям Галилеи.

Солнце с безоблачного неба поливало жаром пыльную дорогу, и путник, хоть и не выглядел утомленным, все же поглядывал по сторонам — в тени оливковых деревьев и у колодцев отдыхали небольшие караваны путешественников, которые направлялись кто в Иерусалим, а кто из Иерусалима, ведомые разными заботами, семейными или торговыми делами.

Кое-где горели небольшие костры, над огнем бурлили походные котелки, а сидевшие вокруг люди бросали любопытные взгляды на проходившего мимо мужчину с длинными, чуть выющимися светлыми волосами. Иногда ему махали рукой, приглашая присоединиться, но он, улыбаясь, благодарил кивком головы или жестом за приглашение и продолжал свой путь. Похоже, он искал уединенного местечка, желая насладиться не только прохладой, но и тишиной.

Терпение его вскоре было вознаграждено — чуть поодаль от дороги, за редким кустарником у холма виднелась рощица, и, кажется, источник тоже был — небольшой, а потому привлекательный лишь для небольшой группы путников. И мужчина свернул с дороги на узенькую тропинку, ведущую

к прохладе и отдыху.

Эпизод II

Встреча в тени

Тропинка петляла среди кустарника, но вскоре привела путника к небольшой полянке среди отбрасывающих кружевную тень деревьев. Неподалеку журчал ручеек, к которому и направился мужчина, чтобы умыться и утолить жажду. Ручеек оказался небольшим, но вода в нем была чистой и прохладной. Смыв с лица дорожную пыль и напившись, можно было дать уже отдых гудевшим ногам. Хотя тут есть немного лукавства — после длительного перехода человек, конечно, устал бы, но этот странник, похоже, просто следовал то ли какому-то своему ритуалу, то ли плану, известному лишь ему. Он расстелил в тени небольшую плотную циновку и с удовольствием улегся на ней, закинув руки за голову. В его светлых, чуть прищуренных глазах сверкали веселые искорки, а на губах играла легкая улыбка. Он словно предвкушал что-то. Но что? Может быть, он ждал встречи — но с кем? Сложно было заранее договориться с кем-то о встрече в таком странном, уединенном месте, да еще в определенное время.

Пока он лежал, разглядывая листву над головой и мелькавших в воздухе редких птишек, с дороги лишь однажды донесся перестук копыт коня и голос всадника, видимо, гонца, спешившего со срочной депешей в Иерусалим. Мужчина, казалось, скоро поддастся дремоте, но тут со стороны дороги послышался шорох и потрескивание камешков — судя по звукам, на тропинку ступили двое. Человек и осел. Они неторопливо пробирались сквозь кустарник к полянке, которая уже была занята. И вот они показались из кустарника — мужчина, лежавший на циновке, приподнялся на локте, с веселым любопытством разглядывая гостей. Хозяин ослика, в отличие от своего четвероногого спутника, смутился, заметив, что уютное местечко уже занято. Он поклонился, и, пробормотав слова извинения, потянул осла обратно в сторону дороги. Но лежавший на циновке путник поднялся и произнес слова приветствия, приглашая гостя разделить место отдыха.

«Останься, незнакомец, здесь хватит места и для нас, и для твоего ослика. Вы выглядите усталыми, а солнце как раз в зените — лучше переждать жару в тени, умыться, утолить жажду и набраться сил. Я буду рад побеседовать о чем-нибудь, но, если беседа не по душе — не расстроюсь, иногда молчание лучше любой беседы. Я умею наслаждаться тишиной и своими мыслями.»

Вежливый ответ гостя не заставил себя ждать. Слова благодарности были простыми и искренними.

«Спасибо тебе, добрый человек. Мы не валимся с ног, но отдых нам ко времени. И я на самом деле избегал больших компаний, мечтая побыть в тишине, или, если повезет, поговорить с одним собеседником, но не многими, и судьба оказалась благосклонна ко мне. Надеюсь, мой неразумный ослик не будет докучать — я привяжу его чуть поодаль. Он упрямый, но тихий, и кричит лишь когда его внимание привлекают другие четвероногие.»

С этими словами гость проследовал с осликом к ручейку, чтобы также освежиться и дать напиться своему четвероногому спутнику. Их отсутствие не было долгим. Повидимому, ослик остался привязан ближе к ручейку, так как на полянку мужчина вышел уже один. Его влажные от воды волосы были чуть длиннее и темнее, чем у лежавшего на циновке. Но также слегка вились. Одежда его была не новой, не очень свежей, но опрятной. На вид было ему около 30 лет, и мужчины стороннему наблюдателю могли показаться ровесниками, да еще и чем-то очень похожими — рост, телосложение, насколько позволяли судить одежды, черты лица, манера двигаться и темп речи, даже тембр голоса. Во всем проглядывало какое-то странное сходство.

Вновь пришедший постелил на землю попону, снятую с ослика, и также прилег в кружевной тени оливкового дерева. Пришедший раньше достал из-за спины холщовую котомку и извлек из нее узелок, из которого явились на свет пара лепешек, неплохой кусок сыра и горсть вяленых фруктов. Раз-

ломив хлеб, мужчина протянул кусок гостю, который, улыбнувшись произнес: «К сожалению, мне нечего предложить в ответ, у меня лишь горсть фиников и черствый кусок лепешки.»

«Ничего — ответил ему мужчина, — у каждого бывает свой сытый день, и день голодный. И в сытый день — счастье повстречать того, кому можешь дать возможность утолить голод.»

— Нечасто мне доводилось слышать такое, хотя я много видел разных добрых людей. Бывало, со мной делились последним, но бывало и так, что скупились дать от щедрот ломившегося от яств стола. С благодарностью приму твое угощение, и щедрость твоя не останется без ответа, каждого щедрого ждет благодарность людей.

— Может и так, но ты ешь, а твоих слов вполне хватит, чтобы отблагодарить меня.

Некоторое время мужчины неторопливо ели нехитрую пищу. Пришедший позже сходил к ручью и принес воды в двух простых сосудах из тыквы. Подав один из сосудов угощавшему, он произнес: «Я был бы рад предложить тебе вина, но увы, придется пить эту воду, но она чиста и прохладна, и нам стоит принимать этот дар с благодарностью.»

Выпив несколько глотков на самом деле чистой и освежающей воды, первый ответил — «Ты прав, незнакомый странник, надо радоваться тому, что послано нам свыше, будь то богатый стол, или глоток прохладной воды в полуденный

зной. И речь твоя мне по душе — ты выглядишь как простой человек, но речь твоя чиста и учтивая, словно ты учился у мудрых этого мира. Не расскажешь ли ты немного о себе, если не покажется просьба моя невежливой. Но я не обижусь, если ты не откроешь мне свое прозвище и звание, можешь рассказать то, что захочешь, а можешь и промолчать — я умею ценить тишину не менее мудрого слова.»

«Не обессудь, если разочарую тебя, добрый человек, я не странствующий мудрец, а простой странник, которому по воле судьбы довелось приникнуть к нескольким ручейкам мудрости и утолить эту жажду. Зовут меня Иисус, или Иешуа, как это произносят на арамейском наречии. Не знаю, привычно ли оно тебе — ведь ты приветствовал меня на греческом языке, и я отвечал на нем же, так как знаком мне язык великого Гомера. И я не хотел нарушать твое уединение и твой покой.» Голос его был тихим, но четким.

— Мой покой? — Незнакомец рассмеялся, и звук этот был похож на переливы вина в кубке. — Разве может быть покой у того, кто всегда в пути? Даже когда сидит? Насладимся отдыхом, Иисус. Дорога в Иерусалим долга, а ноги устают даже у тех, кто идет к своей судьбе.

Они сидели рядом — между ними было расстояние вытянутой руки. Достаточно близкое, чтобы видеть поры на коже, и достаточно далекое, чтобы сохранить границу.

— Ты знаешь, куда я иду? — спросил Иисус.

— Все дороги ведут в Иерусалим, — ответил незнакомец,

поднимая свой кувшин. — Или все дороги ведут из него. Зависит от того, что ты ищешь. Конец или начало?

— Я иду исполнить волю Пославшего меня, — сказал Иисус.

— Воля... — незнакомец протянул это слово, смакуя его, словно вино. — Тяжелое слово. Оно пахнет железом и кровью. Но я не назвал себя... Меня зовут Дионис.

Имя повисло в воздухе. Иисус знал имя языческого бога виноделия древней Эллады, которого римляне уже давно называли Бахусом. Но в том, как прозвучал звук этого имени была сила, древняя и дикая.

Эпизод III

ЗЕРКАЛО

Они сидели молча несколько минут. Солнце продолжало палить, но в тени кустов стало немного легче дышать. Иисус смотрел на Диониса, и ему казалось, что он смотрит в зеркало, показывающее не то, что есть, а то, что могло бы быть.

— Мы похожи, — наконец произнес Иисус. Это был не вопрос, а констатация факта.

Дионис провел рукой по своим волосам, касаясь вплетенной лозы, которой, вроде бы, не было в момент их встречи.

— Люди любят находить похожее в разном и это успокаивает их. Если бог похож на человека, значит, его можно по-

нять, и если человек похож на бога, значит, он может стать им.

— Ты называешь себя богом? — спросил Иисус без осуждения, лишь с любопытством.

— А ты? — парировал Дионис. — Ты позволяешь называть себя Учителем, Сыном, Мессией. Разве это не имена божественного достоинства?

— Я назвал себя Сыном Человеческим, — поправил Иисус. — И Сыном Отца.

— Отец... — Дионис взглянул на небо. — У меня тоже есть Отец. Громовержец. Он сидит на высокой горе и мечет молнии, он любит порядок, любит, чтобы все было по закону. Тебе знаком такой Отец?

Иисус опустил взгляд.

— Мой Отец не мечет молнии. Он есть Любовь.

Дионис усмехнулся, но в его глазах мелькнула тень чего-то серьезного.

— Любовь. Такое опасное слово — оно мягкое, как воск, но может сжечь, как огонь. Мой отец любил женщин, любил власть, любил себя. Любовь Зевса — это обладание. А что есть любовь твоего Отца?

— Его любовь — это жертва, — сказал Иисус.

Дионис покачал головой, и листья в его волосах зашелетели.

— Жертва... Мы снова возвращаемся к крови. Знаешь, Иисус, я тоже знаю толк в жертвах. Но мои жертвы — это ра-

дость, экстаз. Люди приносят мне вино, фрукты, и они танцуют до изнеможения, чтобы забыть себя — они жертвуют своим разумом ради экстаза. А ты? Что ты требуешь от своих последователей?

— Я не требую, — ответил Иисус. — Я предлагаю. Я предлагаю жизнь вечную.

— Вечную... — Дионис откинулся назад, опираясь на локти. — Вечность — это скучно. Разве нет? Бесконечный день без ночи. Бесконечный пир без утоления голода. Жизнь ценна потому, что она конечна. Вино вкусно, потому что оно кончается в кубке. Любовь остра, потому что она может быть потеряна. Зачем тебе вечность для людей? Они же смертны и это их отличие от богов, достоинство и недостаток.

Иисус повернулся к нему всем корпусом.

— Они смертны потому, что отпали от Источника Жизни. Смерть — это не естественный конец, это болезнь. Я пришел исцелить их.

— Исцелить от смерти? — Дионис рассмеялся, но смех был грустным. — друг мой, смерть — это часть танца. Без смерти нет обновления. Посмотри на виноградную лозу — садовники ее подрезают, чтобы она дала больше плода, а плоды ее давят, чтобы они стали вином. Лоза должна умереть в своей форме ягоды, чтобы стать напитком богов. Разве это не то же самое, о чем говоришь ты?

— Подобие есть, — согласился Иисус. — Но цель иная. Лоза дает вино для веселья человека. Я даю Себя для спасе-

ния человека.

— Спасения от чего? — спросил Дионис, и в его голосе впервые прозвучала сталь. — От себя самих? От своей природы? Ты хочешь сделать их совершенными, бесплотными духами? Или ты хочешь, чтобы они любили свою плоть, свою землю, свою страсть?

— Я хочу, чтобы они любили друг друга, — сказал Иисус. — Как Я возлюбил их.

Дионис замолчал. Он смотрел на Иисуса долго, внимательно, словно пытаясь прочесть текст, написанный на невидимом свитке.

— Любовь до смерти? — тихо спросил он.

— Да, — ответил Иисус. — Нет большей любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Эпизод IV

Вино и Вода

Дионис протянул руку и откуда-то из складок хитона достал кувшин. Он откупорил его, и воздух сразу наполнился густым, сладким ароматом — то был запах брожения, солнца, южной ночи и тайны.

— Выпей, — предложил он, протягивая кувшин Иисусу.

— Это не просто вино. Это память земли, и в каждом глотке — солнце, которое его вырастило, и дождь, который его напоил.

Иисус посмотрел на кувшин. Он вспомнил Кану Галилейскую, где он превратил воду в вино, чтобы спасти праздник, чтобы не была омрачена радость молодоженов. Он не отвергал вино, но сейчас было не время для праздника.

— Моя вода живая, — сказал Иисус мягко. — Та, что я даю, испивший ее не жаждет вовек.

— Все жаждут, — возразил Дионис, отпивая из горлышка. Капля вина упала на его подбородок, красная, как кровь. — Жажда — это двигатель жизни. Если человек не жаждет, он мертв. Ты хочешь утолить их жажду навсегда? Значит, ты хочешь остановить их движение.

— Я хочу утолить жажду правды, — пояснил Иисус. — Жажду смысла.

Дионис вытер подбородок тыльной стороной ладони.

— Смысл... Люди придумывают смысл, чтобы не бояться хаоса. Ты даешь им Закон, а я даю им Свободу, ведь в моем вине нет закона, и там только одна истина — истина момента. Кто ты сегодня? Сегодня ты царь, завтра ты раб, послезавтра ты бог. В этом честность. А чего хочешь ты? Ты хочешь, чтобы они всегда были овцами, а ты Пастырем?

— Я хочу, чтобы они были сынами и дочерьми, — сказал Иисус. — Не рабами страха, но детьми любви.

— Сынами и дочерьми... — Дионис задумчиво посмот-

рел на свои руки. На пальцах были следы виноградного сока, которые не смывались годами. — Знаешь, меня тоже разрывали на части. Титаны. Они хотели уничтожить меня, но я возродился из сердца Загрея. Я бог умирающий и воскресающий. И разве это не твоя история, Иисус? Разве ты не идешь в Иерусалим, чтобы быть разорванным?

Иисус вздрогнул. Это было сказано слишком прямо, слишком безжалостно.

— Ты знаешь, что меня ждет?

— Я вижу тени, — сказал Дионис. — Тени будущего отбрасывают свет на настоящее. Я вижу крест. Я вижу гвозди. Я вижу толпу, которая кричит «Осанна» сегодня и «Распни» завтра. Это мой театр. Это моя стихия. Трагедия.

— Это не театр, — твердо сказал Иисус. — Это реальность. Кровь будет настоящей. Боль будет настоящей.

— Всякая боль реальна, — возразил Дионис. — Даже на сцене: когда зритель видит игру актеров и плачет, значит, их истина коснулась его. Вопрос в том, что будет после занавеса. В моих мистериях люди выходят очищенными через страх и жалость. А в твоих? Что получают они, когда ты умрешь?

— Они получают Духа, — ответил Иисус. — Утешителя.

— Духа... — Дионис покачал головой. — Слишком абстрактно, непонятно. Люди хотят плоти, хотят чувствовать, хотят есть тело бога и пить кровь бога, чтобы стать им.

Иисус посмотрел на него пристально.

— Ты говоришь странные вещи.

— Я говорю вещи, которые будут помнить, — улыбнулся Дионис. — Через сто лет, через тысячу лет. Люди будут есть хлеб и говорить: «Это Тело Его». Они будут пить вино и говорить: «Это Кровь Его». Они будут искать единения через поглощение. Это мой дар миру, Иисус. Ты просто облечешь его в другие слова. Ты назовешь это Тайной Вечерей. Я называю это Спарогмосом. Разрыванием. Последователи назовут это Евхаристией — благодарностью, благодарностью за смерть и жизнь вечную. За их непрерывный круговорот.

Иисус почувствовал холод, несмотря на жару. Этот человек, этот бог, видел сквозь время. Он видел ритуал, который еще не был установлен, но уже был записан в скрижалях вечности.

— Зачем ты говоришь мне это? — спросил Иисус.

— Чтобы ты знал, что ты не один на этом пути, — сказал Дионис. — Мы оба приносим себя в жертву. Разница лишь в том, ради чего. Я — ради жизни во всей ее полноте, даже грязной и кровавой. Ты — ради жизни чистой, святой, отмытой от греха. Но кровь... кровь у всех одна. Красная, как вино.

Эпизод V

Толпа и Одиночество

Вдали послышался шум. Это приближались ученики Иисуса. Их голоса были слышны еще за холмом — споры, смех, кашель ослов.

Иисус собрался, напряжения и тревоги в нем не было, но не было уже и покоя — его время уединения заканчивалось, и скоро снова начнется служение: будут вопросы, просьбы, исцеления, притчи.

Дионис тоже услышал шум. Он не повернул головы.

— Они идут за тобой — твоя свита, твой хор.

— Они мои друзья, — сказал Иисус.

— Друзья опасны, — заметил Дионис. — Они могут предать, конечно, не по злобе, но лишь по слабости; и тот, кто любит тебя больше всех, отречется трижды прежде, чем пропоеет петух.

Иисус закрыл глаза — боль пронзила его сердце, острая, как удар копья. Петр. Он уже знал это, Отец открыл ему это в молитве, но слышать это от чужого, от этого странного двойника, было невыносимо.

— Откуда ты знаешь? — прошептал Иисус.

— Я бог театра, — сказал Дионис. — И я знаю каждый сценарий, даже еще не сыгранный, я знаю, что герой должен пройти через одиночество, даже в толпе. Посмотри на них. — Он кивнул в сторону дороги. — Они любят тебя за то,

что ты даешь, за хлеб, исцеление, надежду. Но любят ли они тебя за то, кто ты есть на самом деле? Полюбят ли они тебя, когда ты не сможешь дать ничего, кроме своей смерти?

— Некоторые полюбят, — сказал Иисус. — Те, кто увидит свет.

— Свет ослепляет, — возразил Дионис. — И большинство предпочтет тень — они будут строить храмы твоему имени, но многие продолжат жить в этих храмах по законам наших жрецов. Они будут называть тебя Богом, но поклоняться золоту, власти и плоти, они будут использовать твою любовь как оправдание для своих войн. Разве это не трагедия?

— Свобода воли, — сказал Иисус. — Бог не хочет рабов.

— Свобода — это бремя, — вздохнул Дионис. — Я даю людям свободу забыться, а ты даешь им свободу отвечать за все. Кто из них выдержит такое? Большинство сломается. И тогда они придут ко мне — в тайне, в темноте, в поисках забвения, которого ты им не даешь.

— Я даю мир, — сказал Иисус.

— Мир, который не от мира сего, — усмехнулся Дионис. — Это удобно. Пока они ждут мира небесного, они терпят ад земной. Такой хороший союз с властью имущими: кесарю — кесарево, Богу — богово. Но кто получит душу человека?

— Тот, кто сможет вместить, — ответил Иисус.

Дионис встал. Он отряхнул пыль с своего пурпурного плаща. Он был выше, чем казалось сначала, и тень от него упала

на Иисуса, прохладная и тяжелая.

— Ты слишком серьезен, друг мой. Жизнь — это игра. Даже смерть — это только выход со сцены, чтобы войти через другую дверь. Почему ты идешь на смерть с таким лицом, словно идешь на казнь?

— Потому что я иду на казнь, — сказал Иисус.

— Казнь может стать триумфом, — сказал Дионис. — Зависит от того, как сыграть роль.

Эпизод VI

Страдание

Иисус тоже поднялся, его ноги затекли от сидения. Он посмотрел на свои руки — ладони были шершавыми, в мозолях от работы плотника. Скоро в этих ладонях будут сквозные раны. Он содрогнулся.

— Ты говоришь о страдании легко, — сказал Иисус. — Для тебя боль — часть экстаза, а для моих людей боль — это зло, которое нужно победить.

— Боль — это серьезный учитель, — сказал Дионис. — Она показывает границы тела, показывает, где кончается «я» и начинается мир, и без боли человек спит. Я бужу людей болью радости, ты будишь их болью совести.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.